

Экран и сцена. - 1997 -
13-20 марта - с. 16.

Заветы первой Турандот

«Мы еще только начинаем. Мы не имеем права предлагать вниманию зрителей спектакли в исполнении великодушных актеров, ибо еще не сложились такие актеры. Для того, чтобы сложились мастера сцены – требуются годы. И вот мы делаем отбор людей, мы ищем сценические законы, впитываем все, что дает Константин Сергеевич, и даже не мечтаем еще о спектакле театральном. До тех пор пока мы не составили труппы и воспитанных по нашему лабораторному способу мастеров, мы будем показывать лабораторные работы».

Теперь позвольте представить исполнителей: Принцессу Турандот играет Мансурова, окончившая в нынешнем году школу Студии. Это ее первое выступление на публике. Она никогда не играла. Ход пьесы требует, чтобы лицо ее было пока прикрыто маской.

Принца Калафа играет Завадский. Он уже играл в «Чуде Святого Антония». Адельму – соперницу Турандот – Орочко. Это тоже ее первая роль, если не считать школьных работ.

Зелиму – подругу Турандот – играет Ремизова, ученица III курса нашей школы.

Бараха – воспитателя Калафа – Толчанов.

Тимура – отца Калафа – Захава.

Альтоума – царя китайского, отца Турандот – Басов.

Скирину – мать Зелимы – Ляуданская.

Измаила – Миронов».

Евг. Вахтангов
27 февраля 1922 года.
Из обращения к публике
генеральной репетиции
«Принцессы Турандот».

«Филумена Мартурано»,
Ц. Мансурова – Р. Симонов.

Ц. Мансурова, 30-е годы.

Ц. Мансурова – Роксана. «Сирано де Бержерак».

«Принцесса Турандот»,
1922.

Ц. Мансурова – Беатриче.
«Много шума из ничего».

Мансурова – Т. Хренников.

том числе – из «Принцессы Турандот». Мансурова играла сцену с загадками. Мы все сидели на сцене вместе с ней. Калафа играл Вася Лановой. И вы знаете, мы, молодые актеры, но уже проработавшие в театре по пятнадцать – двадцать лет, ревели, как мальчишки, потому что слышать этот бесподобный, божественный голос без слез было просто невозможно.

Вячеслав Шалевич

О Цицилии Львовне Мансуровой еще в студенческие мои годы ходило множество легенд, связанных, конечно, с основанием театра, с премьерой «Принцессы Турандот», с образом красивейшей женщины. По легенде, последнюю фразу Турандот: «Мужчины, я вас всех люблю» сочинил для Мансуровой сам Вахтангов, поскольку понимал, что женщина, обладающая таким очарованием, не может обидеть мужчин, сидящих в зрительном зале.

Легенда воплощалась для нас в реальность: Цицилия Львовна преподавала в училище и была влюблена в молодость, особенно – в индивидуальность. И доброта ее была безграничной. Помню, когда я был председателем кассы взаимопомощи, нам не хватало средств, и мы решили сделать благотворительный вечер, продав билеты через родителей студентов, через их знакомых, по тем временам очень дорогие. Единственный человек, к которому я тогда обратился, была Цицилия Львовна Мансурова. И она предложила гениальную затею: сыграть в Училище спектакль Вахтанговского театра «Глубокие корни», который уже сошел со сцены. А в нем было занято очень много крупных актеров. Она сама со всеми переговорила, и этот спектакль, который многие студенты и не видели, сыграли в стенах Учебного театра для благотворительного фонда. А тогда это все было внове.

При всем том, мне кажется, что она была очень одинока. Странно, но у меня постоянно было ощущение, особенно в конце ее жизни, какого-то огромного ее одиночества. Так случилось.

Я много раз выступал с ней вместе на концертах, особенно на гастролях. Нередко она вела первое отделение, а я второе. Я всегда прислушивался к тому, как она говорила на сцене – нервно, экспансивно, темпераментно. И это заражало зрительный зал невероятно.

А если вспомнить ее кинематографические работы. Например, «Дорогой мой человек», где она уже играла старую женщину. По ее какой-то необычности, проникновенности голубых, прозрачных глаз, по ее невероятной речевой характеристике, она была, конечно, на уровне величайших актрис. На уровне Раневской, Бирман. Но она еще и героиня, а ее почти не использовали в этом качестве. Хотя я помню ее в «Человеке с ружьем». И до последних лет Мансурова исполняла роли вне возраста. Играла Филумену Мартурано. И как играла!

Я вошел в этот спектакль уже вторым составом, после Яковлева, Ульянова, Кацынского. Конечно, мы больше следили за Рубеном Николаевичем, которого обожали, но рядом с ним была великая его партнерша, единственная партнерша по всем концертным программам и по всем спектаклям: «Сирано де Бержерак», «Филумена Мартурано», я уж не говорю о «Много шума из ничего». Это была великая пара. Когда слышишь эти голоса по радио, то поражаешься их удивительному тембру. Сейчас много говорят о тембре голоса Юлии Константиновны Борисовой, а она была введена в «Принцессу Турандот» Цицилией Львовной Мансуровой, которая отдала ей все, что об этой роли знала. Я помню двухтысячный спектакль, Цицилия Львовна еще выходила на сцену, и размахивая платочком, с удивительной молодецкой интонацией проникновенно говорила знаменитый текст.

Мы все стараемся сохранить в памяти заветы своих учителей. Я запомнил уроки Мансуровой, ее заповеди, порой очень смешные и неожиданные. Они могли быть произнесены импровизационно в ЦДРИ или где-то на гастролях. Как-то я пожаловался, что в театре много врагов. А она ответила: «Если у вас в театре нет врагов, вы еще ничто». Это была первая заповедь. Потом мне показало, что слишком много сплетен в прессе о нас, о молодежи. На это она сказала: «Мальчик, запомните: если о вас перестанут говорить, значит вы уже ничто». И третья заповедь очень смешная, сказанная после вечера в ЦДРИ: «Ах, милый, надо играть Шекспира, а председателем колхоза научимся».

Я так хорошо помню все эти заповеди, потому что они остаются актуальными до сегодняшнего дня.

Публикацию подготовила Марина ГАЕВСКАЯ

«Лабораторная работа» оказалась одним из самых долговечных сценических созданий в истории русского театра. Редкий спектакль живет 75 лет, сохраняя свою первоначальную основу и не превращаясь при этом в музейный экспонат, а трансформируясь и видоизменяясь вместе со временем. Эта жизнеспособность знаменитой вахтанговской постановки была изначально заложена самим ее создателем и поддерживалась все последующие годы его непосредственными учениками, а затем – учениками учеников. И в юбилейный сезон, в год 75-летия знаменитой вахтанговской премьеры на сцене те, кому посчастливилось быть учениками и партнерами первых исполнителей и, конечно, прежде всего, легендарной принцессы Турандот – Цицилии Львовны Мансуровой. Те, кто, общаясь с ней в жизни, в театре и в учебной аудитории, восприняли ее уроки и заветы, как профессиональные, так и житейские, и запомнили их на всю жизнь.

Юрий Яковлев

Я считаю себя очень счастливым человеком, потому что попал на курс, которым руководила Цицилия Львовна Мансурова. За четыре года она нас научила многому, хотя и не была, наверное, таким уж блистательным театральным педагогом. Очень экспансивная, темпераментная женщина, вся энергия которой, казалось, уходила на преодоление самой себя, и на то, чтобы объяснить студенту какие-то элементарные вещи. Но тем не менее, она дала нам, как педагог и как человек, очень много. И самое главное – она научила нас быть людьми. А ведь вы знаете, что в театре быть актером и оставаться человеком очень сложно. Она научила нас любви к театру, научила порядочности, нетерпимости к предательству.

И, конечно, мне очень повезло уже во время работы в Театре Вахтангова, поскольку получилось так, что я несколько раз был на сцене ее сыном. В «Живом трупе», где я играл Каренина, в «Филумене Мартурано» и еще в каком-то спектакле, название которого я уже не помню, Мансурова была моей мамой.

Но должен сказать, что ее сыновьями мы все были еще на курсе. Курсы тогда были маленькие – всего двенадцать-тринадцать человек, что позволяло работать с каждым достаточно обстоятельно. Трудные послевоенные годы, стипендия маленькая, хватало ее только на курево, мы ходили полуголодные. И Цицилия Львовна придумала хитрый ход. Под предлогом дополнительных занятий приглашала двух-трех студентов вечером к себе домой. А когда они приходили, то там уже был накрыт стол, и она кормила их ужином. Так происходило по очереди со всеми. Она всех любила одинаково. Хотя мы, конечно, знали, что были и свои любимчики, но это тщательно скрывалось.

Я и в Театральное училище был принят благодаря Мансуровой. Меня поначалу не хотели брать. И мы подслуши-

принят в Театр имени Евг. Вахтангова. Все это благодаря Цицилии Львовне. И, конечно, тем блистательным педагогам, которые тогда преподавали вместе с ней: Толчанову, Алексеевой, Орочко, Захаве.

Я помню самое первое занятие. Мы сидим в аудитории и вдруг, не входит, не вбегает, а влетает какое-то существо, появившееся буквально откуда-то сверху. Типичным мансуровским жестом хлопает себя по ляжке, садится и начинает говорить. Говорила она часа три без остановки. Мы слушали, совершенно обалдевшие: легендарная, живая Турандот, влетевшая к нам в аудиторию! Мы просидели все три часа, раскрыв рты, глаза, уши, и слушали ее. А потом еще столько же обсуждали, как это интересно, как нам повезло!

Я, конечно, видел ее на сцене еще до того, как пришел в училище. Школьником пересмотрел весь репертуар. Театр Вахтангова тогда только приехал из Омска, из эвакуации. Игнали в переулке Садовских, а это было рядом с моим домом. Я видел и «Сирано де Бержерак», и «Много шума из ничего». Мансурова была обворожительной Беатриче. Будучи еще очень молодым, я, конечно, только интуитивно понимал, что такое женственность, женское обаяние, а в ней этого было с избытком. И, конечно, в нее был влюблен весь зал, поскольку не влюбиться было просто невозможно. При этом она сама говорила, что у нее некрасивые руки, и они действительно были очень некрасивые, как будто вырубленные топором: толстые пальцы, огромная ладонь, как у рязанского мужика. Но понимаете, зная, что они некрасивые, Мансурова так научилась ими владеть, что просто глаз нельзя было оторвать: она буквально разговаривала этими вырубленными топором руками. О ее выразительных руках много писали, им были посвящены даже отдельные рецензии.

Мои друзья мне иногда замечали: «Ты всегда говоришь о Мансуровой только в восторженном наклонении, а ведь она была довольно средней актрисой». Я на это обычно отвечал: «Я не знаю, какой она была раньше, я вижу ее сейчас». В последние годы она играла мало. Но я никогда не забуду, как, по-моему, к пятидесятилетию театра был придуман концерт, в который вошли отрывки из спектаклей, в